

МАША МОРАН

НЕЖЕЛАННАЯ

Книга 1

ПРОКЛЯТЫЙ АТАМАН

Речи о Северном кряже

18+

Маша Моран

**Нежеланная. Книга
первая. Проклятый атаман**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Моран М.

Нежеланная. Книга первая. Проклятый атаман / М. Моран —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Он – равнодушный палач, убийца и охотник на ведьм. Она всю жизнь провела в услужении другим, презираемая и одинокая. Он пытается и истязает. Она пережила насилие. Им не суждено было встретиться. Но Судьба решила иначе, сведя их за миг до смерти. В мире, где правит лицемерие, благочестивые жители окажутся бессердечными ублюдками, а жестокий убийца – героем. Страсть и похоть переселят страх и сметут все границы. В романе присутствуют сцены жестокости, насилия и эротики. Исходники для обложки взяты с сайта Shutterstock. Обложка от Ирины Северной.

Содержание

Пролог. Торговый человек	5
Глава I. Хмурая чаша	11
Глава II. Дом старосты	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Пролог. Торговый человек

В одночасье Проклятые атаманы уничтожили всех ведьм. Веками окаянные прислужницы чёртовы отравляли жизнь доброго люда. Борьба, что длилась веками, завершилась на виселицах, кострах и в пыточных колодцах. Лихие ведьмы, творящие многие страсти,¹ были уничтожены колдунами-атаманами. Казалось, пришёл мир на земли славного Северного кряжа. Иногда то здесь, то там обнаруживалось отродье чёртово, и тогда народ призывал Проклятого атамана, чтобы справиться с ведьмой. Шли годы, и о противных Созидателю тварях начали забывать. А зря...

Речи о Северном кряже.

На исходе зимы у вдовы Злотичны неожиданно издохла корова. Сначала она сильно отощала. Но зима была суровой, сена едва хватало, потому вдова не сильно волновалась, что корова вдруг стала такой болезной и перестала давать молоко. А спустя неделю Злотична нашла свою кормилицу околевшей. Тут бы честному люду забеспокоиться, но уж больно много забот навалилось, и никто, кроме вдовы, особо по поводу сдохшей скотины не переживал.

Прошла ещё пара недель, Зима-Лютыня совсем пошла на убыль, начали люди из домов выбираться да жизнь свою налаживать. И тут стало ясно, что пропала жена десятника Микитки. В лес чёрт её понёс, а оттуда она уже и не вернулась. Бабой она была вздорной, завистливой да жадной, а потому никто по ней сильно не тосковал. Сама, дескать, виновата. Чего в лес попёрлась, ежели снега ещё не сошли, да волки по лесу вольготно бродят?! И снова жители хутора не разглядели странного. Поголосили-попричитали да за дела принялись.

Новая же напасть не заставила себя ждать. У пеплицкого старосты Багумила в одну ночь исчезли со двора все петухи. Тут-то жители и забили тревогу. Ведь каждому доброму человеку известно, что больше всех петухов ведьмы боятся. Кто же ещё будет возвещать о приходе солнышка красного?! А ведьмам день совсем не люб, им вечную ночь подавай. Потому и стремятся они всех петухов извести. Перья повывёртывают, косточки вытащат, чтобы в ритуалах своих окаянных использовать. Впрочем, что там да как у ведьм с петухами происходит, в Пеплицах не ведали, но то, что это всё их происки, поняли сразу. Тут уж и корову Злотичны припомнили, и жену десятника.

Решено было собраться на совет у старосты да придумать, как быть. Все нарочитые² люди Пеплиц явились в дом сурового Багумила слово держать. Как ведьму найти? Кого ещё изведёт тварь окаянная? Долго думали. Да только староста хутора, он на то и староста, что за мудрость его на эту должность выбрали. Вот и предложил Багумил послать в столицу кого-нибудь – ведь там люди учёные, знающие, не одну ведьму на чисту воду вывели да за происки наказали. Решено было доверить это дело Антипке – торговцу местному. Он и языкатый, и десятку не робкого – пушай к королю идёт да о беде поведает, что над Пеплицами нависла. А король справедлив – не оставит помирать!

Так и договорились. Снарядили Антипку в поход до столицы. А путь-то неблизкий, почи-тай, месяца два в дороге. За это время ведьма ещё кого-нибудь извести может. Кто ж знает, что нечистая задумала! Но делать нечего. Уж лучше подождать Антипку с подмогой, чем на милость окаянной отдаваться.

И отправился Антипка в путь. Долго до столицы добирался. Оголодал совсем, бедолага. Хорошо, что языкатый да ушлый, да и люди добрые помирать не оставили. Где на ночь при-

---

¹ Страсть – страдание, несчастье.

² Нарочитый – известный, знатный.

греют, где краюхой хлебной поделаться, а где и отработать ночлег пришлось. Но Антипка, хоть и хитрецом слыл, а всё ж к делу своему серьёзно относился. Доверились ему жители, сам староста дело такое поручил. Никак не мог он людей подвести. А потому уж совсем обессилел, но до столицы дошёл.

Чудным оказался город Каменн. Да и не город это был вовсе, а крепость огромная. С одной стороны – обрыв и море бушующее. Не смогут враги подобраться. С другой – холмы, мхом поросшие, в тумане утопающие – любое воинство заметно будет. На краю обрыва грозной птицей застыл замок серого камня, как будто из земли вырос. От замка длинная крепостная стена гадукой вилась по холмам зелёным. Стена эта скрывала дома большие и малые, подле замка раскинувшиеся. Чем дальше от замка, тем скромнее, меньше дом. А чем ближе – тем он больше и красивее.

Антипка только и успевал головой вертеть. Вот аптека, где зелья да настои целебные продают. Поскрипывает на ветру яркая вывеска, зазывает покупателей. А вот кузница – вылетают из неё алые искры и всполохи, шипят, на влажную от тумана землю оседая. Площадь главная, где горожане собираются, напугала Антипку виселицей с тремя верёвками и огромным колодецем, в который цепь железная опускалась. Так вот, значит, где расправу над ведьмами вершат. Здесь Антипка задерживаться не стал и поспешил к замку. Только попасть туда ох как нелегко оказалось.

Огромные дубовые двери были заперты, а как ещё войти внутрь, Антипка не знал. Он стоял, задрав голову, и рассматривал диковинные символы, вырезанные на массивном дереве. Буквы али ещё что. Робко переступив с ноги на ногу, Антипка шагнул вперёд, но был остановлен двумя хмурыми молодцами в красных кафтанах. И откуда только взялись? Став плечом к плечу, они начали пытаться Антипку, мол, кто таков, зачем пожаловал. Антипка же, стасив с головы грязную шапку, принялся сбивчиво рассказывать, что звать его Антипом-торговцем, и что прибыл он в столицу по важному делу, и надобно ему с королём свидеться, о милости просить. Стражники долго на него смотрели, хмуря брови, а после отвечали, чтобы шёл он отсюда да не выдумывал. Какие ещё ведьмы, когда их всех давно перевешали?! И как Антипка ни упрашивал их, не пустили его стражи в замок.

Но староста Багумил не просто так отправил в Каменн именно Антипку. Торговец он на то и торговец, что терпеливым да упёртым должен быть. На него весь хутор надеется, не можно людей подвести! Пусть тяжёлые двери хоть немного приоткроются, а там уж Антипка придумает, как мимо стражников проскользнуть. Долго ждать не пришлось.

Под вечер, когда солнце уже удалилось с неба, раздался звук рога. Дубовые двери начали медленно отворяться, земля задрожала от топота, и вылетела шумная ватага. Антипка и сообщить не успел, а ноги его уже вперёд несли, прямо под грозного коня серой масти. Бросился он на колени, в пыль дорожную, заржал конь, закричал кто-то, а Антипка зажмурился и дрожит, как лист. Кинулись к нему стражники недавние, схватили под руки, но тут раздался грозный холодный голос:

– Оставьте его!

Антипка от испугу вновь в пыль шмякнулся. Кругом всё затихло, замерло. Слышно только, как конь сердито всхрапывает да копытом землю бьёт.

– Кто таков будешь? – И снова голос, от которого стужа ледяная аж в кости пробирается.

Антипка вздрогнул да вверх взглянул. Сначала морду коня увидел – злобно на него скакун глядел сквозь длинную чёлку. Хитро сверкали камни самоцветные в его наглазниках. Потом – удила кожаные, в длинных пальцах зажатые. И, совсем осмелев, поднял Антипка голову и взглянул на господара своего. Таких колючих глаз он ещё никогда не видывал. Яркие, голубые, словно два осколка льда острого. Ни за что такой не расплавишь. Ветер набрасывался на седые волосы, швырял их в стороны, а затем укладывал на могучие плечи – казалось, что это выюга по земле стелется. А на лбу обруч блестел серебряный. Гордо король восседал на

жеребце. Точь-в-точь Ледяной Князь, что в горах обитает. Холод морозный по коже пробежал. Встрепенулся Антипка да снова голову опустил.

– Антипом кличут, Ваше величество. Из Пеплиц я.

Король молчал, и боязно отчего-то стало Антипке. Вновь он голову поднял да на короля взглянул. Тот грозно брови хмурил и губы тонкие поджимал.

– Зачем под коня бросаешься?

– Не со зла, Господарь! Не со зла, упаси Созидатель. Видеть вас хотел! Милость ваша надобна! Без вас никак! Пропадём всем хутором! Сгинем!

– Да что надо тебе, заполошный?

– Помощь! Помощь нужна, никак нам самим не управиться! Не от себя – от всего хутора прошу. Ведьма у нас завелась. Народ изводит, окаянная! Не сладим с ней...

Антипка замолчал, дух переводя, а король ещё больше нахмурился.

– Ведьма, говоришь?..

– Как есть, ведьма!

И вдруг король усмехнулся и обернулся к дружине, его сопровождавшей. Антипка тоже на них посмотрел. Ох, что это за воинство было! Добрые молодцы, могучие. В яркие одежды наряжены, на скакунах резвых.

– Кто из моих кметей³ сможет ведьму одолеть?

Антипка уставился на молчаливых воев.⁴ Сразу за королём держались двое. Выделялись они из всех остальных. Один – великан златоволосый. Могучий, крепкий. Глаза у него тоже синие были, как у владыки. Но не отражалось в них ни злости, ни страха, ни смеха – вообще ничего. Гордо восседал он на вороном да равнодушно в сторону глядел. Второй, кого Антипка приметил, – чернявый, с усами да бородой короткой. Глаза его были серыми, как серебро драгоценное, а вокруг рта глубокая складка залегла, словно и не случалось в жизни его ничего радостного. Строения он был не такого могучего, как остальные, зато держался в седле, будто по небу плыл – расслабленно и легко.

– Славка, отведи смелого Антипа в замок, проследи, чтобы накормили. А я подумаю, как помочь ему в беде этой. Ведьма, значит...

Владыка покачал головой, ещё раз взглянул на Антипку и отвернулся. Ударил пятками по блестящим лошадиным бокам да умчался, взметнув пыльное облако. Весело затрубил рог, полетел по воздуху пронзительный звук. Чьи-то сильные руки оттащили Антипку в сторону, и помчалась дальше ватага королевская. Мелькали яркие кафтаны, сияли камни в конской сбруе, радостно звякало оружие. Зачарованный Антипка даже дышать перестал. Распахнув глаза, не моргая, глядел он на могучих кметей. Не замечал он, что рот от удивления раззявил, и пыль туда залетает, как в пещеру. Скрылась дружина с глаз, только земля едва подрагивала.

– Идём же! Чего замер?

Один из стражников, что совсем недавно не хотел пускать Антипку к королю, потянул его за собой. Видать, и был тем самым Славкой. Впихнул он ошалелого торговца в проход широкий, сам следом зашёл. Скрипнули петли, затворились двери, и Антипка словно в другом царстве оказался. По двору сновала озабоченная прислуга. Тут и там появлялись статные кмети. В кузнице гремел молот, о чём-то переговаривались конюхи, рассматривая хилую лошадинку. Голубовато-серый камень был украшен яркими разноцветными стягами, трепещущими на ветру. Тайнственно мерцали стёкла в окнах. За ними мелькали смутные фигуры.

– Ты что, уснул? – Славка уже успел пересечь двор и теперь, обернувшись, насмешливо глядел на Антипку.

---

³ Кметь – витязь, воин, знатный человек.

⁴ Вой – воин.

Прижав измятую шапку к груди, ошарашенный торговец засеменил за дружинником. Славка повёл его тёмными узкими коридорами. Даже тут было полно чудес. На шершавых стенах блестели светочи – все они были выполнены из металла и являли собой морды зверей лесных и птиц, с сияющими камнями вместо глаз. В зубастых пастьях и острых клювах тлели пучки берёсты – мягкое золотистое свечение согревало холодный камень, освещало путь.

Антипка и не заметил, как суровый Славка привёл его в душную кухню. Она была таких огромных размеров, что могла бы, наверное, вместить дома всех жителей Пеплиц. Но здесь задерживаться дружинник не стал, он повёл Антипку в другое помещение. В дальней стене была выбита огромная арка, а в ней виднелась крошечная уютная кашеварня. Антипка оказался среди ступок, деревянных ложек и дырявого котла, с потолка свисали пучки сухих душистых трав, а в выложенном кирпичом очаге лежала какая-то пухлая книга.

– Агафья! Накорми пришлого да проследи, чтобы никуда не уходил без меня.

– Вот ещё! Делать мне неча, как глазеть за твоими дружками! – Пышнотелая повариха взмахнула ложкой с длинной ручкой, едва не захав Славке по лбу, и уперла руки в бока.

– Его господарь велел сюда отправить. Но если ты не хочешь выполнить его приказ...

Славка умолк, а Агафья приняла вид серьёзный и надменный: дескать, раз господарь приказал, то так и быть, накормлю.

Совсем скоро перед Антипкой поставили глубокую плошку с наваристым супом. Перепали ему и ломоть горячего душистого хлеба с маслом, куриное крылышко и крынка молока. Настоящий пир для голодавшего много дней путника. Антипка уплетал за обе щёки, прислушивался к разговорам слуг и сам не заметил, как задремал.

Проснулся же он от того, что кто-то тряс его за плечо, браня грубыми словами. Это Славка, которому роль няньки уже надоела. Он что-то сердито толковал, но Антипка, всё ещё пребывавший во власти яркого сновидения, никак не мог понять, что стражник от него хочет. Впрочем, выяснилось это очень скоро. Потацил Славка разомлевшего Антипку за собой, словно неразумное дитя. Вновь оказались они во дворе. Наверное, проспал торговец долго, потому что на небо вновь взбиралось ласковое солнышко. Оказавшись у конюшни, Антипка замер. Внутри царила суматоха. Туда-сюда сновали конюхи, суетились дворовые. Славка подтолкнул Антипку к лошади, которая казалась такой же сонной и уставшей, как и сам торговец.

– Это Тучка. Спокойная очень. Даже если ездить верхом не умеешь, то на неё смело можешь садиться. Не сбросит. – Славка ласково потрепал лошадку по жидкой гриве.

– Да как же?.. – Антипка вновь принялся мять шапку от волнения. – Мне бы с королём... Беда ведь...

Славка как-то жалостливо посмотрел на торговца, вздохнул и покачал головой.

– Господарь отряд кметей в твой хутор отправляет. Воеводу своего дал и даже Проклятого атамана, чтобы ведьму изловить.

Антипка так и обмер. Неужто король так милостив оказался?! Целый отряд! Воевода... Атаман... Сердце быстро-быстро забилося, даже дышать трудно стало.

– Только я считаю, никакой ведьмы у вас и в помине нет! Бабы, небось, от скуки дурью маются. – Славка вновь покачал головой. На этот раз неодобрительно.

– Есть! Есть ведьма! – Антипка в запале швырнул шапку на землю. – Есть окаянная! Но с такой-то подмогой мы её быстро изловим!

– Ты там сам-то аккуратней давай! Ну всё, торговый, пора.

– Пора. – Антипка кивнул и вдруг обнял стражника.

Тот смутился, похлопал Антипку по плечу да кое-как водрузил его на сонную Тучку. Так началось путешествие домой.

* * *

Если Антипка думал, что тяжело было добраться до столицы, то он ошибался. Путь обратно в Пеплицы оказался испытанием похлеще. Непривычному к лошадям Антипке даже со спокойной Тучкой нелегко было управиться. Лошадь норовила то повернуть не туда, то споткнуться о корягу, то и вовсе остановиться посреди дороги. В конце концов, чернявый кметь, которого Антипка приметил ещё в Каменне, выхватил у него поводья из рук. Тучка как будто почувствовала, что хозяин сменился, вмиг стала послушной, в меру норовистой и шустрой. Весело перескакивала кочки, не уступая другим скакунам, резво пускалась в галоп. Антипке оставалось только крепко держаться за луку седла, не зевать и размышлять о милости господаря.

Король послал в Пеплицы знатную дружину. Семь могучих витязей, статных и сильных. Вооружены они были так, словно на лютую войну собрались. Да и оружие то было непростое. Каждый вечер, сидя у костра, кто-то то и дело натачивал саблю или меч, прочищал пицаль. И всё оружие украшено камнями самоцветными, резьбой и гравировкою, узорами диковинными. Антипка бросал завистливые взгляды на такую красоту, но ещё большую зависть в нём вызывали сами кмети. Их тёмно-зелёные кафтаны с искусным серебряным шитьём сливались с густой листвой, и даже сам Антипка иногда терял из виду своих попутчиков. Но почти всегда рядом оказывался Чернявый (как он его про себя кликал), который направлял Тучку и следил, чтобы торговец нигде не потерялся. Антипка грустил из-за собственной никчёмности. Статные витязи могли слиться с лесом, становились его частью, двигались бесшумно и незаметно, а охотниками были знатными да умелыми! Каждый день то зайца подстреливали, то гуся дикого али утку. Но и среди них некоторые выделялись особливо.

Были это два нарочитых, коих Антипка видел подле короля. Гигант с волосами, словно золото сияющими, да глазами – синими самоцветами – оказался воеводой. Он был огромным, как скала, с лицом бледным и равнодушным. Но до чего же притягивали взгляд ровные точёные черты, словно умелый резчик вырезал. Ох и беда всем пеплицким девкам от него будет. Кто ж перед таким воем устоит?! В седле держится ловко, стреляет метко – Антипка сам видел, а кафтан на нём ладно так сидит, будто вторая кожа обтягивает могучую фигуру. Волосы на солнце ярким заревом загораются. Таких молодцев Антипка и не видывал. Беда девкам от него, беда...

Другой же нарочитый – Чернявый, что Антипкину Тучку вёл, ещё и своим жеребцом управляя. Этот совсем другим был. Ни на кметей, ни на воеводу не похож. Обращались к нему с уважением, не иначе чем "Пан атаман". И если гигантом-воеводой Антипка восхищался и втайне завидовал, то атамана он боялся, как нечисть тёмную. И не сказать, что грозный он али могучий был. Среди молодцов кметей не отличался ни ростом, ни телосложением. Даже среди пеплицких мужиков выделиться Чернявый не мог. Утый,⁵ как будто голодом его морил кто. Правда, жилистый и усталости не знал. Даже когда другие кмети решали, что отдых нужен, атаман был полон сил. И вроде мужик обычный, но в глазах его что-то недоброе таилось. И улыбка злой получалась, словно смеялся он над всеми. А после случая одного Антипка его пуще Чёрта бояться стал.

Было то на подходе к Пеплицам, дней пять пути оставалось. Маленький отряд пытался пробраться сквозь Ведьмину чащобу. Деревья тут так близко друг к другу росли, что ветви как сеть рыболовная над головой сплетались. А внизу – кусты колючие, паутина липкая. Земля сырая, ноги вязнут, будто в болото попал. Продвигались медленно, сойдя с лошадей. Сонная Тучка упрямо не желала следовать за Антипкой, потому атаман вёл под уздцы сразу двух ска-

---

⁵ Утый – худой.

кунов – своего и торговца. Ладно у него это получалось. Покорно следовала Тучка за Чернявым. И вновь подивился Антипка его умению с лошадьми управляться.

Старый лес не желал так просто пленников своих выпускать. Колочие кустарники за одежду цеплялись, словно пальцы чьи-то. Злобный шиповник впился в рубаху Антипки. И так, и эдак он дёргал худую ткань.

– Дай помогу, заполошный. – Это воевода насмешливо глядел на пыхтящего от усердия Антипку.

Торговец покрылся румянцем, а воевода осторожно освободил подол рубахи из цепкой хватки.

– Мы к хутору твоему, стало быть, уже подходим. Расскажи, что там за ведьма у вас завелась?

Антипка закивал и побежал за воеводой.

– Окаянная! Мы такой, почитай, десяток лет не видывали! Корову извела. – Антипка принялся загибать пальцы. – Жёнку Микиткину – это десятник наш, сгубила. Петухов у самого старосты своровала!

Тут Антипка глаза сделал страшные, аж чуть не выпали, мол, кто ж посмеет у старосты воровать? Вот, значит, какая ведьма страшная у них!

И тут голос раздался, точно раскаты грома по небу покатались, тихие, издалека, но от того пугающие.

– Видел ли кто?

Антипка вздрогнул – аж шапка на чело съехала, обернулся. Пан атаман позади шёл, лошадей вёл да насмешливо так на Антипку глядел, с издёвочкой. Морщины вокруг рта чётче сделались, губы криво изогнулись – вроде и человек обычный, а страшное в этой улыбке притаилось. Антипка с испугу и слова вымолвить не может, моргает только.

– Кто? – ляпнул с дуру да на атамана смотрит.

Тот снова:

– Я спрашиваю, видел ли кто ведьму? Как петухов воровала? – Спрашивает, а сам улыбается. И губы всё больше кривятся, словно змея корчится.

Антипка и имя своё от страха позабыл, плечами пожимать стал, шапку на макушку нахлобучил.

– Не видали вроде...

Атаман ещё пуще заулыбался, поравнялся с Антипкой, наклонился к нему и тихо так спрашивает:

– Так почём знаете, что ведьма петухов увела? Может, тать⁶ у вас какой завёлся?

У Антипки оскомины аж в горле стала. Глядит в атамановы серые глаза и видит вдруг, что чёрными они становятся. И не глаза то вовсе, а два лоскута неба, и звёзды в них белые горят, и кажется, будто скачет кто-то прямо по воздуху – неясные тени мелькают. Но моргнул атаман, и Антипка от морока очнулся. Заглянул в глаза Чернявого – серые, как и были. А атаман опять губы в улыбке лютой изломал. Боязно стало Антипке, скверно: уж не привёл ли он в хутор беду, которая похлеще ведьмы будет?..

---

⁶ Тать – вор.

Глава I. Хмурая чаща

Никому из ныне живущих неизвестно, что скрывается там – за последней горной преградой – Венцом королевы. Три могучих исполина высятся у границы Северного края, и нет людям туда хода. Одни утверждают, что за ними самый конец Света белого. Сказывают, будто там земля заканчивается обрывом глубоким, а над головой – только небо, чёрное-чёрное. Иные же верят, что раскинулось за Венцом королевы Мёртвое Царство. Место, куда уходят все души после смерти, где обитают тени, где спит Луна, пока в мире людей властвует Ясное Солнышко.

Никому не ведома истина. И никто ещё не отважился пересечь Венец королевы. Бережно хранят три горы свою заветную тайну. Речи о Северном крае.

Весело шумел костёр. На небе мигали бледные звёздочки. Сизый дымок взвивался вверх, подбрасывая в воздух алые искры. Невдалеке в траве копошился какой-то зверь, таинственно поскрипывали ветви деревьев. Прохладный ветерок забирался под одежду. Кмети готовились ко сну: рассёдлывали лошадей, проверяли оружие, решали, кто за кем идёт в дозор. Воевода Сальбьёрг о чём-то тихо переговаривался с атаманом. Антипка жадно следил за каждым их движением. И, хоть он не слышал ни слова, но всё ж понял, что разговор важный: серьёзными были воевода и ворожейник. Один лоб потирал задумчиво, второй брови чёрные хмурил.

– Смотри, дыру в них не проделай!

Спокойный голос заставил Антипку подпрыгнуть. Он едва не свалился с бревна, на котором сидел – над торговцем нависла тень. Он поднял голову и увидел Гирдира – кметя, который всегда был грустным. Ни разу Антипка не видел, чтобы тот смеялся или хотя бы улыбался. Когда другие вои подшучивали друг над другом, Гирдир молчал и печально смотрел вдаль. Никто с ним не заговаривал первым. Может, просто боялись огромного топора, что тот носил за спиной.

– А ваш атаман... Он и вправду поможет? – Антипка с надеждой взглянул на Гирдира.

Кметь посмотрел на торговца с уже знакомым выражением жалости и опустил на землю.

– Уж если кто и может с ведьмой совладать, то только атаманы.

Антипка вздохнул, поджал губы, но не мог он больше молчать. Решил высказать, что на душе было:

– Больно он... Хилый какой-то... Даже пеплицкие мужики крупней его будут. Как он с ведьмой сладит-то, ежели кощи одни из-под кожи выпирают?

Гирдир долго смотрел на Антипку. А потом вдруг тихо рассмеялся. Впервые торговец видел на лице этого кметя улыбку. Но была она невесёлой, горькой какой-то.

– Ну и дурачина же ты, торговый! Атаманы обучены ведьм убивать. Даже самый искусный и сильный вой с ведьмой не справится, а атаман сдюжит. Вспомни, сколько ведьм было в Кровавой сече? А?

Антипка замялся, подумал, старые предания вспоминая.

– Ну, много их было... И не сосчитать.

– Вот. – Гирдир принялся натачивать свой топор. – А атаманов сколько против них вышло?

Тут уж торговец сразу ответил:

– Двенадцать!

– Вот! – снова вымолвил кметь. – Двенадцать против орды ведьм вышли, народ защитили и сами выстояли. А почему их двенадцать было, знаешь?

Антипка помотал головой из стороны в сторону. В легенде о таком не говорилось. А любопытно было до ужаса!

– Атаманов всегда только двенадцать. По одному на каждый солнечный месяц. Ни больше, ни меньше. Ежели один погибнет, его место другой займёт – самый достойный ученик, прошедший все испытания. Каждый атаман властью особою обладает и ворожкой тайной. С ребячества это в них. Их против ведьмы выстоять учат. А то, что хилый он такой, ты на это не смотри, торговый. В бою он любого из нас уложить сможет даже без силы своей. Атаманы – искусные вои, просто так с ними не сдюжить.

Антипка слушал, затаив дыхание. Каждое словечко Гирдира запоминал, чтобы потом в Пеплицах рассказать.

– И что же, какой месяц у вашего атамана?

– Первый месяц Осени-Туманницы. Когда во власть мёртвые вступают, тогда и атаман наш сильнее становится.

Страшно стало Антипке.

– А что это за власть такая особая и ворожба тайная? – Антипка заёрзал на коряге.

– Тайная – она так и зовётся, чтобы в тайне ото всех быть. Смекаешь? – Гирдир постучал пальцем по лбу Антипкиному, словно дивясь такой глупости. – А власть особая... Страшная сила у Лютовида. Самый лихой он из всех атаманов – в Мёртвое царство вхож, со смертью да тьмой может говорить. Над призраками у него власть.

И вправду, страшная это сила. Кто ж из живых с умертвиями может говорить? С призраками шутки плохи. Они и в Мёртвое царство утащить могут, и проклятие какое наслать. Лишь одна ночь в году в их власти. Но до чего же страшная эта ночь! Самая лютая.

Антип снова на атамана посмотрел. Тот уже один стоял, подле своего скакуна, и в мешке кожаном копался. Тихо что-то позвякивало, шелестело. Вот атаман вытащил из мешка объёмный свёрток, три длинные стеклянные пробирки, и, ни на кого не глядя, ушёл в тёмные заросли елей и осин.

– Куда это он пошёл? – Антипка вновь повернулся к Гирдиру.

– Заклятья свои плести. – Блеснуло остро наточенное лезвие топора. – От зверья лесного, от ворога... – Кметь пристально взглянул на торговца. – От ведьмы...

Антипка поёжился. Пламя костра вдруг перестало греть и больше не казалось приветливым. Сова как-то по-страшному ухали, да и ветер больно угрожающе завыл. Дружина укладывалась спать, оставив подле себя оружие, а Антипка всё в лес глядел, к каждому шороху прислушивался – не пришёл ли атаман. Но вот уже и костёр погас, и луна серебряная над головой высоко-высоко зависла, а чернявый всё не возвращался. Долго лежал Антипка без сна, в небо глядел, звёздочки считал. Вот и тучи тёмные набежали, серебряную луну скрыли. То ли гром прогремел, то ли лошади заржали. Дождик мелкий начал накрапывать. Натянул торговец плащ на голову, чтобы от влаги и холода защититься. И вдруг мелькнули на небе тёмные тени, показалась орда всадников. Длинная кавалькада скакала по небу, лошадиные копыта молнии высекали. Антипка откинул плащ, сел на земле, впился взглядом в небо. Но новая туча скрыла призрачное войско. «Наверное, привиделось», – подумал торговец, удобнее устраиваясь на твёрдой земле и засыпая.

* * *

Её кое-как забросали сырой землёй, камнями да ветками и оставили умирать. Даже не добились, что она не дышит. Смерть тоже не проявила к Мельце милосердия, бросив болтаться на самой границе. Ей оставалось лишь неподвижно покоиться в грязи.

Она лежала и чувствовала, как ползёт по коже жук, перебираясь с пальца на палец. Он щекотал её запястья крошечными лапками, а потом кусал. Тыкалась носом в колено лисица. Обнюхивала, но словно чего-то испугавшись, убегала. Холодные ветры швыряли в лицо гниющую листву осин. Дождь размыл землю, и та просела, погребая Мельцу всё глубже и глубже. Тонкие корни трав и кустарников мёртвой хваткой цеплялись за волосы. Приполз откуда-то плющ, обвиваясь петлёй вокруг шеи и лица. Влажный мох перебрался с камней на посиневшую кожу. Хвойные иголки злобно кололи тело.

Она чувствовала всё это. Но видела лишь круглую равнодушную луну, которая становилась с каждым часом всё больше, серела, будто тоже коченела, как и Мельца. Кто-то украл луну с неба, заменив её круглой серебряной тарелкой.

Но огромная тень скрыла круглолицую, и всё вокруг погрузилось во мрак. Затихло зверье, боялись шевельнуться насекомые. Даже ветер улёгся в холодных травах. Лишь паук трудился без устали. Он продолжал бегать по её раскрытым губам, сплетая меж них липкую паутину.

Чья-то тень накрыла Мельцу. Смутные очертания её дрожали в темноте, расплываясь в разные стороны. Зачавкала влажная земля под ногами. Послышалось надсадное кряхтенье. И, заслонив луну, над Мельцей нависло лицо, которое она будет ненавидеть даже после смерти. Отвратительная рожа насильника улыбалась в темноте, скаля жёлтые зубы. Неужели, он не насытился? Что ему ещё надо? Зачем пришёл?!

Ледяной коркой стало покрываться тело. И одинокое сердце её билось всё медленнее, то ли замирая, то ли пытаясь продлить жизнь хоть немного.

«Скоро всё закончится», – твердила себе Мельца. Скоро не будет боли и обиды, и все мечты её превратятся в рассветный туман. Совсем скоро...

Не может она больше... Не может.

Но грубые ладони обхватили её истерзанное тело. Боль опалила Мельцу. Взмыла она в воздух. Прижал изверг её к груди и понёс прочь от места, что едва не стало её могилой. Этой ночью не попасть ей в Мёртвое Царство.

* * *

Давным-давно верили, что наползающий с гор туман – это пар, который поднимается над котлами ведьм. Варит чёртова прислужница зелье, кипит оно, бурлит, а пар по всей долине стелется. Сейчас уже мало кто вспомнит эти предания, но тумана люди боятся всё равно. Кто знает, какая сила в нём прячется. Может, враг, сокрытый белой завесой, подбирается, али злодеяние в сизой дымке какое творится. Туман в Хмурой чаще был лютым. Он плыл с гор белым густым варевом – будто ведьмин котёл перевернулся, и зелье выплеснулось на лес. Его ключья цеплялись об острые макушки голых деревьев, отрывались и оставались висеть на сучьях пушистыми лохмотьями. Холодная морось оседала на волосах, забиралась за воротник. Казалось, это чьи-то холодные липкие пальцы скользят по коже, желая добраться до сердца. А может, и впрямь, это прикосновения рук – стала ведьма невидимой, заманила путников в лес и теперь желает вырвать их сердца для своих обрядов.

От мыслей этих Антипке поплохело. Он, как и все, боялся тумана. Ничего хорошего от белой завесы ждать не приходилось. А тут ещё и дружину он с собой такую везёт – видать, точно ведьма прознала, что конец её козням. Как ни пытался Антипка уговорить кметей переждать туман, всё тщетно. Те вознамерились к исходу полной луны добраться до Пеплиц.

Деревья в Хмурой чаще редко стояли, далеко друг от дружки. Но Хмурым это место не просто так звалось. Вроде и светло тут должно быть. Ан нет... Деревья скрюченные, ветви вниз опустили, словно руки. Ёлки какие-то голые, будто облезшие. И всё вокруг белый пар заполнил – туман. Куда ехать, непонятно. Солнца совсем не видно. Антипка и так воеводу упрасивал, и

эдак – мол, переждать хорошо бы. Только в чаще заплутают, ежели сейчас в путь отправятся. Ну что им лишние день-два в пути? В самом-то деле! Но воевода был непреклонен.

Антипка уныло глядел на Тучку. Длинная чёлка закрывала глаза, и казалось, что лошадь до сих пор спит. Антип погладил животное по гриве. Тучка встрепенулась, всхрапнула, понюхала ладонь торговца и тут же отвернулась. Дескать, ничего интересного. Антипке аж обидно стало. Как Чернявый к ней подходил, так глупая скотина чуть ли не улыбаться начинала, а как он...

Торговец замер и огляделся. Господарева дружина собиралась в путь. Кто-то костёр тушил, кто-то оружие проверял. Все шестеро на месте, а вот седьмого – не видать. С ночи атаман так и не вернулся. И скакуна его злобного не было видно. Антипка к Гирдиру бросился, спросить, куда ворожейник подевался. Но путь ему преградил золотоволосый воевода.

– Почему до сих пор не собрался? – Голос у него сердитым был, досада в нём слышалась.

Антипка сглотнул от волнения, но вымолвил:

– А как же пан атаман? С ночи его не видать. Уж не случилось ли чего? Места здесь лихие.

– Он нас нагонит. А ты время попусту не трать. Садись давай. Да пошибче. Ехать надо.

– Да как же он нас в таком тумане найдёт? – Антипка от волнения стащил с головы шапку и по старой привычке начал мять её.

– Уж он-то найдёт. Не сомневайся.

Показалось торговцу, или и впрямь в голосе воеводы Сальбьёрга обида слышалась? Но думать об этом некогда было.

– Поторапливайся!

Антипка закивал, водрузил шапку на место и с кряхтением взобрался на Тучку. Лошадь потрясла мордой, словно противясь ездоку. Эх, предательница!

* * *

В тумане продвигались медленно. Влага впитывалась в ткань одежды, превращая её в мокрую и неудобную. С ветки на ветку перелетела надоедливая ворона и противно каркала. Она настырно следовала за дружиной, не желая убраться, даже когда один из воев запустил в неё камнем.

Обычно весёлые и разговорчивые кмети умолкли, поддавшись чарам этого места. Хмурая чаща – и настроение, похоже, у всех было таким же. Антипка уж было думал заговорить, но едва открыл рот, как Гирдир приложил палец к губам. Кмети настороженно оглядывались по сторонам, даже ворона умолкла, почуяв неладное. Антип тоже начал вертеть головой, сияясь хоть что-то разглядеть. Но лишь тени и уродливые силуэты деревьев виднелись в белом тумане. Пелена стала ещё гуще, наползая со всех сторон. И вдруг послышался звонкий девичий смех. Он как будто окружил дружину, раздаваясь сразу со всех сторон. И был этот смех недобрый. Злым. Лошади громко заржали. Встали на дыбы. Кмети удержались в сёдлах, а вот Антипка полетел вниз. Перебирая в воздухе копытами, Тучка сбросила торговца. Он ударился о землю, свалившись, как мешок с мукой – с глухим стуком, взвив вокруг облако пыли. Смех стал громче. Судорожно вскочив на четвереньки, Антипка пополз, не разбирая ничего вокруг. Во рту и в глазах пыль, но лишь бы убраться из-под копыт взбесившейся лошади. Послышался лязг металла, звон оружия. Тихо шепча молитвы Созидателю, Антип осмелился, поднял взгляд от земли и увидел её...

Прислужницу чёртову он узнал сразу. Вот она какая, значит... Красивая. Белокожая, точно из туманных нитей сотканная. Стройная. Губы красные-красные – земляника спелая. А волосы седые, как у старухи. Но пряди длинные, прямые, сияют будто. И глаза – камни самоцветные. Синим пламенем горят, и по-доброму на Антипку смотрят, ласково так... Тело

стройное едва прикрыто. С плеча худенького сползло тонкое платье, обнажило острую ключицу. Подол короткий, оборванный, не скрывает ноги грязные, колени сбитые.

И не казалась она больше страшной или злобной. Захотелось Антипке приласкать деву эту, приголубить. Губы её алые попробовать на вкус, узнать, впрям ли они на вкус, как земляника?

Затряслась земля под ним, задрожала. Топот копыт оглушил бедного торговца. И громкий голос заставил встрепенуться:

– Убегай!

Из тумана, словно был частью его, вырвался атаман, верхом на злобном жеребце.

В одной руке – сабля, другой поводья отбросил, ногу через седло перекинул и спрыгнул на полном скаку. Антип зажмурился от страха. Атаман снова ему:

– Беги!

Не сразу торговец понял, от чего бежать должен. А когда увидел, то поздно уж было. Дева прекрасная и впрямь ведьмой была. Кожа у неё посерела вмиг, глаза синим пламенем засияли. Губы алые, что Антип поцеловать мечтал, в безобразной ухмылке растянулись. Наклонилась она, зачерпнула горсть земли и круг перед собой очертила. Прямо в воздухе вслед за её рукой завились кольца змеиные.

Жуткий змий, повинувшись ведьмовской воле, расправил зелёные крылья, ошетинился. Чешуя у него была, словно листики мелкие – зелёная и острая. Схватив отродье, ведьма швырнула его прямо в Антипку. Пущенной стрелой летел змий. Пасть открыта, с клыков яд сочится, язык раздвоенный болтается. Торговец замер потрясённый.

И тут кто-то с такой силой отшвырнул его, что Антип отлетел к дереву. Голова стукнулась о ствол, раздался мерзкий хруст, перед глазами поплыло. Но всё ж нашёл он в себе силы не смыкать веки, взглянул на атамана. Это он встал между Антипкой и змеюкой ведьминой. Впилося отродье клыками ему в ладонь. Но атаман оторвал от своей руки эту мерзость, швырнул на землю да и отсек саблей голову. Ведьма заверещала и растворилась в тумане, а тело змиево продолжало в грязи извиваться.

Сами собой глаза Антипкины начали закрываться. Где дружина? Сильно ли атаман ранен? Пытался торговец привстать, спросить. Но не смог.

* * *

Антипка открыл глаза и поморщился. В голове точно колокол часовенный гудел. В висках больно бухало, а свет закатного солнца глаза резал.

– О, смотрите! Очухался наш заполошный. Ну ты и бедовый. – Самый молодой из кметей, весельчак Ягин, с прищуром глядел на Антипку и грыз чёрствый кусок хлеба.

На голове у него была повязка, скрывавшая левый глаз. Ткань пропиталась кровью.

Кряхтя, Антипка сел. От тошноты он согнулся пополам. Ягин хмыкнул и, чавкая, продолжил грызть сухарь. Отдышавшись, торговец оглядел остальных дружинников. Из семерых только воевода и атаман выглядели целыми и невредимыми. Правда, чернявый обматывал грязной полоской ткани кровоточащую ладонь. Антипке тут же стало ужасно стыдно. По его вине вся дружина покалечена. Но больше всего совестно было за атамана. Он о нём столько крамольного передумал. А ворожейник жизнью рисковал, чтобы Антипку спасти, между ним и ведьмой встал. Дал змею себя укусить, лишь бы тот торгового не тронул.

С кряхтением Антип встал и двинулся было к чернявому – прощения просить, отблагодарить. Но тот, кажется, знал, что у Антипки на сердце. Закончив перевязывать ладонь, чернявый усмехнулся, быстро встал и, глядя бусыми⁷ страшными глазами бросил:

---

⁷ Бусый – серо-дымчатый.

– Раз оклемался, то в путь собираемся. До дождя успеть бы...

Глава II. Дом старосты

...но пришла беда с полнощью⁸. Полчища ведьм, выживших после кровавой расправы, объединились и подошли к Каменцу. Седые космы их развевались на ветру, точно стяги боевые, а лица бледные щерились⁹ в тумане. Сам Чёрт во главе этого войска стоял. И никто не обладал силою достаточно, чтобы победить их.

Но вышли из города двенадцать атаманов. Двенадцать ворожейников буетных¹⁰. Как они могли с многими тысячами ведьм сразиться? Были же те атаманы самыми искусными колдунами. Не было никого, кто мог бы с ними в мастерстве сравниться. Даже Чёрт их силе завидовал. Но ещё слыли те атаманы хоробрами¹¹, коих Свет Белый доселе не видывал. Много своей крови пролили они на поле ратном, но обратили ведьм окаянных в золу. Речи о Северном кряже.

Хутор Пеплицы боязливо примостился у подножья трёх гор, которые все величали Венцом королевы. Они отделяли границы Северного кряжа от конца Света. Ни один живой человек не переходил горы. А те, которые пытались, там же и сгинули. Сосновая, Ледяной удел и Ведьмина метла испокон веков стояли на страже северных границ.

Пеплицы были единственным поселением в этих местах. Ближайший хутор располагался в трёх неделях пути. Лес, горы и озеро окружали Пеплицы, словно оберегая от всех невзгод. Большую часть года жителям приходилось сражаться с холодом и дождями. Весной-Холодницей да Летом Звонким каждый день трудились люди, чтобы запасы заготовить. А как приходили две сестрицы Осень-Туманница да Зима-Лютыня, начиналась другая жизнь. Обрядами и песнями пытались задобрить пеплицкие сестёр хладных, а вечерами собирались у очагов тёплых, рассказывали предания и сказки разные.

Сейчас в Пеплицах госпожой гуляла Весна-Холодница. Зелёная листва на осинах и берёзах распускалась, травы расцветали. Птицы всё чаще пением своим радовали, Солнышко на небе дольше задержаться могло. Но всё ж не сильно оно ещё грело. Ждать же тепла люди не могли. И только снега таять начинали, как сразу за работу и принимались. Всё в Пеплицах было строго, у каждого свои обязанности и заботы.

Первыми просыпались рыбаки. Ещё темно в округе, Луна на небе хозяйничает, да птица ночная сурово ухает, а рыбаки уж на ногах. Собирали они свои снасти да тихо уходили из хутора.

Вот и сегодня, ещё задолго до рассвета, отправились трое рыболовов на озеро. Путь их лежал через весь хутор, потом мимо леса дремучего и прямо к горе Ведьмина метла. Вся она была покрыта островерхими елями, что раньше ведьмы для своих мётел использовали. А стоило пару шагов по склону сделать, как открывался вид на озеро. О том, как оно появилось, много историй было сложено. Но все пеплицкие верили, будто это сам Чёрт проделал огромный котёл, в котором ведьмы какое-то страшное зелье сварить должны были. Да только проведаль о том Созидатель Света Белого и наполнил котёл водой чистейшей, пока Чёрт спал. Озеро так и стали называть – Катла. Это на древнем языке, значит. А вода в Катле и впрям чудесная. Иной раз, кажется, что камень драгоценные по ней разбросали – так на солнышке сияет. И рыбы

---

⁸ Полнощ – север.

⁹ Щериться – скалить зубы.

¹⁰ Буетный – отважный, дерзкий.

¹¹ Хоробр – храбрый.

там обильно. А на дне – ил да глина целебные, аптекарь из них свои настои варит. У берегов трав лекарственных много – опять же, для целительства хорошо. Знатное озеро в Пеплицах!

Но сегодня беспокойно оно было. Ветер тревожил макушки елей да осин редких, пыль в глаза швырял. По воде рябь пробегала, а сама водица на берег выплёскивалась. Лодочки, на берег вытащенные да к стволам привязанные, в озере барахтались – вот какой силы ветер разыгрался. А лодки у пеплицких рыбаков тоже знатные были. Плотник каждую по особому заказу мастерил. Узоры по бортам вились, слова бережные. На носу голова птицы, али зверя лесного вырезана, – это чтобы рыба людей за своих приняла. Мол, увидит над рекой птица какая парит, так чего волноваться?

Взялись рыболовы за верёвки, начали вытаскивать лодки свои чудесные на берег. А ветер судёнышки швыряет туда-сюда, будто забавляется. Не хочет рыбакам отдавать. Но кое-как сдюжили мужики, вытащили лодки. Разошлись каждый к своей, начали осматривать, не повредилось ли чего, и тут вдруг один над лодкой своей и замер. Звали его Хаврун. Сорок вёсен он уже встретил, опытный рыбак, а тут и кровь вся с лица схлынула, белее мертвеца стал.

– Эй, мужики! Подите-ка сюда.

Рыбаки к Хавруну подошли, смотрят с удивлением, дескать, что не так? Тот головой мотнул, взглядом на лодку указал. Остальные тоже в судёнышко заглянули.

А там не иначе призрак лежит. Кожа белая-белая, почти синяя. Вены голубые реками растянулись по лицу. Грязь да кровь спёкшаяся на щеках и лбу, губы липкой паутиной спутаны. В волосах длинных ветки и листья запутались, жук какой-то копошится. Девушка... Сверху плащом прикрыта из ткани богатой, серебряная застёжка с камнем голубым хитро так сияет, будто спрашивает рыбаков: «Ну что, испугались?»

А они и впрямь от страха дрожат. Откуда умертвие это появилось? И вдруг губы у неё разомкнулись и тихо-тихо она что-то прошептала. Рыбаки отскочили, молитвь Созидателя о пощаде начали. Видать, Чёрт с ведьмой забавляются!

– Парни! Да это ж дочка старостына! – Хаврун уже осмелел, к лодке снова приблизился. – Жива, видать, ещё... В хутор её надо!

Другие тоже присмотрелись – и впрямь дочка. Втроём из лодочки её достали, плащ соскользнул. И снова рыбаки от страха реже задышали. Под плащом сорочка исподняя – изорвана вся, в грязи и крови. У живота кровь, на ногах – запеклась уже, бурая. Кто ж это с ней такое сотворил? Побежал озноб по коже у мужиков, пот холодный прошиб. А ветер ещё пуще разыгрался, толкает рыбаков в спины. И послышалось им, как злые ели, что ведьмам издавна прислужничали, заскрипели: «Быстрее... Бегите... Спасайте...» Ещё больший страх мужиков льдом сковал. Недоброе что-то нависло над озером. Сова злобно так заухала, ворона ей вторила.

Но Хаврун крепко обхватил грудное¹² тело и понёс в хутор. Товарищи его молча пошли следом. А сова с вороной всё громче кричали, беду накликавали.

* * *

В Пеплицы дружинные прибыли под вечер. Ветер разыгрался такой, что лошади с трудом передвигались. Антипке даже шапку пришлось снять да за пояс засунуть, чтобы ветрище окаянный её не унёс.

Могучие кмети и те сгибались под порывами ветра, чтобы удержаться. Воевода вон к самой гриве прижался, низко-низко наклонился. Одному Чернявому, кажется, всё нипочём было. Ни ведьма, ни укус змиев его не волновали. Не ветер – ураганище деревца к земле гнёт, а атаман в седле сидит, будто на троне, ещё и Тучку Антипкину умудряется вести за собой.

---

¹² Грудный – замёрзший.

Ох, колдун! Ворожейник лютый! Не будет от него добра – нутром Антипка чуял. И хоть спас давеча атаман торговца, а всё равно муторно на душе, боязно.

Наконец, в хутор въехали. Ветер туч нагнал, темным-темно сделалось, будто ночь глубокая. Все дома заперты, на улице никого, даже огоньков в окошках не видно. Поскрипывают на ветру деревянные заборы, ещё чуть-чуть и поборет их ветер. Антипка по сторонам оглядывается: вымерли все, что ль? Аль беда какая приключилась, пока его не было?! Дома вроде все на месте стоят, лавки торговые тоже.

– Куда теперь, заполошный? – Воевода к Антипке наклонился, ветер перекрикивает.

А Антипка-то что? Ему велено было подмогу привести. Он и привёл. Что ж это все попрятались? Торговец плечи опустил. На воеводу глаза поднять боится.

– Кто у вас тут главный? – Это Чернявый уже на Антипку смотрит. Пристально так, словно в душу заглянуть пытается.

А ведь точно! Кто послал, к тому и ехать надо.

– Староста! Староста Багумил главный. У него дом в конце хутора стоит. Там, небось, и натоплено уже, и есть сготовили.

– Так показывай дорогу. – Воевода весело улыбнулся.

До дома старосты добрались быстро и без происшествий. Ветер как будто решил над путниками сжалиться, утихомирился. Кмети у старого колодца спешили, а Антипка к старосте поспешил. Крепкий дом выглядел неуютно, словно и не рад гостям был. Серый камень кладки суровым казался, холодным, а деревянные доски чердака и крыши вдруг напомнили Антипке гроб. В окне мелькали чьи-то фигуры, и казалось, что повсюду призраки. Страшно.

Антипка вздрогнул, задрожал, но пошёл дальше. До двери дошёл, постучал. Как-то тихо вышло, неуверенно. Он ещё раз стукнул, громче. За дверью послышались голоса, потом чьи-то шаги, потом всё стихло. Кто-то глухо прокричал:

– Кто?

– Антип это! Вернулся я. – И чтоб уж наверняка пустили добавил. – С подмогой!

Дверь тут же распахнулась, едва не стукнув торговца по лбу.

– Антипка?! Неужто ты? А мы уж думали, сгинул!

Вдова Злотична втащила Антипка в тёплое нутро дома и начала придирчиво осматривать, бормоча что-то себе под нос. Антипу даже дурно сделалось от такого мельтешения. Отодвинувшись от Злотичны, он оправил одежку свою и заглянул вдове за плечо.

– Со мной кмети господаревы. Ведьму искать прибыли. Надо бы со старостой свидеться.

Злотична вмиг посерьезнела, прищурилась и странно как-то на Антипку посмотрела, словно и не рада была этой новости. Только рот открыла, как появился и сам староста. Выглядел он ещё суровее, чем обычно. Глаза злобно из-под седых бровей вокруг зыркали.

– Кто явился? – Голос трескучий такой, как дерево под ветром гнётся.

– Антип это! Вернулся. Кметей, говорит, привёл.

Староста, наконец, разглядел в дверях Антипку. Постоял, помолчал, а потом развернулся и пошёл обратно, только обронил едва слышно:

– Раз пришёл, пушай заходит, неча холод напускать.

Антипка осмелел, шею вытянул:

– А дружина господарева как же? Пристроить на ночлег надо бы.

Староста остановился, обернулся. Снова недобро глаза сверкнули.

– Ну, раз надо, зови. Пристроим.

* * *

В доме у старосты Багумила и вправду тепло было, но скорее не из-за растопки, а количества люда, там сидевшего. Злотична суетилась по хозяйству, туда-сюда горшки переставляла

и больше шума создавала, чем пользы. Хаврун – глава всех рыбаков – тут же сидел, перепуганный какой-то, бледный. Аптекарь и целитель местный, Грас, у окошка примостился, вид у него был несчастный. Бергрун, судья пеплицкий, с суровым лицом подле старосты сидел.

Что за сбор такой? Ведьма опять дел натворила? Антипка только рот открыл, собираясь поведать, как в Каменн пришёл, да как король дружину свою в подмогу дал, но судья его опередил:

– Это хорошо, что вы приехали. Вовремя подоспели. Дела у нас тут совсем лютые творятся.

– Осади, Бергрун. Не видишь – с дороги хоробры, устали, небось. Мы им о своих бедах завтра расскажем. – Староста тяжело опустился на скамью. – Сперва пуцай отдохнут. Злотична, накрой на стол. И что же за воев нам король прислал? Как величать вас?

Воевода вперёд выступил:

– Меня Сальбьёргом звать, воевода каменецкий. А это дружина моя: Лейвюр, Гирдир, Хотовит, Ягин, Вигарт. И атаман – Лютовид.

Все кмети поклонились старосте и вслед за воеводой опустились на длинную лавку. Злотична начала расставлять перед ними миски, не стесняясь рассматривать.

– Так что за беда приключилась? – Сальбьёрг пристально посмотрел на старосту своими глазами-льдинками.

Староста и судья переглянулись. Второй тяжело вздохнул:

– Вчера дочка Багумила пропала. Ну, думали, в лесу заплутала али перед свадьбой волнуется. Но сегодня... Сегодня... – Судья Бергрун сглотнул, голос сорвался.

– Мы с мужиками её на ловище¹³ сегодня нашли, – это бледный Хаврун подал голос. – На рассвете на озеро пошли. А она в лодке моей лежит... Синяя вся, в крови, в плащ завёрнута. Окоченела почти.

– Как так?! – Антипка подскочил с лавки.

Все головы повернулись к нему.

– Мельца? Жива ли?

– Жива. Да недолго ей осталось. К утру... – Аптекарь Грас вздохнул и уставился в окно, за которым вновь разбушевался ветер.

– К утру отмучается. – Староста Багумил осушил кружку. – Мать её сгнула, и ей, видать, так суждено было.

– И что же, нельзя ничем помочь? – Антипка заметался из стороны в сторону.

Мельца хоть и странной была, да к нему всегда с лаской обращалась, с добротой.

– Да чем?! Чем помочь? Даже зелья Грасовы на неё не действуют! – Багумил зло ударил ладонью по столу, аж посуда звякнула.

Аптекарь виновато вздрогнул и ещё пуще в окно глядеть стал.

– Грас наверняка знатный зельевар, – Воевода Сальбьёрг, до этого молчавший, нарушил тяжёлую тишину. – Но пусть теперь наш атаман посмотрит, что там за немочь такая. Вдруг помочь сможет.

Воевода кивнул в сторону атамана, а тот уже у дверей стоит, кожаный мешок на плечо повесил.

– Куда идти? – Голос у него тихий, вкрадчивый.

– Я покажу! – Злотична молнией метнулась к Чернявому, взгляд хищным сделался, глаза, как у кошки, загорелись, словно добычу заветную почуяла.

Антипка аж передёрнулся.

– Я тоже пойду, – Он подобрался к Чернявому и стал подле него.

---

¹³ Ловище – место для звериной и рыбной охоты.

Злотична бросила на Антипку злобный сердитый взгляд, глаза сощурила. Но торговец и не подумал отступить. Мало ли, что Злотична надумает, с неё станется. Она баба видная, ладная, вон полхутора на неё заглядываются – хороша так! Вдруг и атаман на её прелести падким окажется. Будет на Злотичну глазеть вместо того, чтобы дочке Багумиловой помогать.

Кивнув самому себе, Антипка гордо плечи расправил, на атамана взглянул, дескать, ты смотри у меня, я тебе отлынивать не дам! Чернявый же серьёзным был, куда только девалась вечная усмешка. Морщины вокруг рта глубже сделались, брови нахмурены, взгляд такой, что оторопь берёт. На Злотичну даже не смотрит.

Втроем поднялись по лестнице крутой, на второй этаж, где спальни хозяйские. Злотична, словно у себя дома была – уверенно дверь отворила, в комнатку вошла. Антипка с атаманом следом.

В крошечной спальне было холодно и темно. Свечка оплавилась, едва горела. Стекло в оконце жалобно звенело под ударами ветра. На узкой кровати, под тонким одеялом угадывались очертания человека.

– Очаг зажги. – Атаман повернулся к Антипке, и тот мигом бросился к очагу в стене.

Весело затрещала кора берёзки, с аппетитом пламя принялось уплетать растопку да веточки сухие. Не страшно, даже спокойно стало. До тех пор, пока атаман не откинул одеяло. Бурые пятна, синяки, раны... Никто даже сорочку грязную не снял с Мельцы, раны не обвязал. По всему телу ручейки кровавые, засохшие. А у бёдер на ткани пятна расплылись. Антипка тихонько вскрикнул.

– Сама виновата! – Злотична рядом оказалась и брезгливо оглядела Мельцу. – И дураку понятно, что ведьма тут ни при чём! С любовником она встречалась, как пить дать! Откуда бы у неё плащ такой богатый?! Он над ней насильничал да убёг, а её прикрыл. Видать, думал, померла...

Злотична неодобрительно поджала губы и тыкнула пальцем в богатый серый плащ, что в ногах у Мельцы лежал.

– Любовник и насильничал, – ещё раз повторила, для пущей уверенности, видать.

– Вон...

Антипка вздрогнул и обернулся. Атаман, прищутив серые глаза, глядел на Злотичну. Ох, что за взгляд это был – холод аж под кожу пробрался, до самого сердца. Антипка зубы сжал, чтобы не закричать от боли. Атаман вытянул руку вперёд, длинные пальцы впились Антипке в плечо. Отодвинул ворожейник его в сторону, чтобы не стоял между ним и Злотичной. А вдова словно к полу приросла. Только и смогла вымолвить:

– Ч-что?

– Вон отсюда...

Сверкнули серебром глаза атамановы. Что-то злое в них встрепенулось. Злотична с места сорвалась, из комнаты бегом бросилась, даже дверь не прикрыла. А Чернявый моргнул и вновь самим собой сделался. Взгляд серьёзный, но спокойный.

– Воды горячей принеси!

Антипка не сразу понял, что атаман к нему обращается, а как сообразил, тут же вниз кинулся. Злотична сидела за столом и громко причитала. Аптекарь Грас подносил ей воду и обмахивал тряпицей. А вдова шумно дышала, выставив пышную грудь на обозрение всех кметей. Ипат¹⁴ едва ли не смеялся над этим, а дружинные споро опустошали миски с едой, ни на кого не глядя.

– Воды нужно. Горячей! – Все разом уставились на Антипку. – Атаман просит... Горячую...

---

¹⁴ Ипат – воевода.

– Где у вас тут колодец? – Это Гирдир встал со своего места. – Мы за водой, а вы очаг посильнее растопите. Лютовид не любит ждать. Ну, заполошный, веди, показывай.

Антипка кивнул. Это он мигом! С таким-то молодцом они много воды натаскают. Гирдир был высок и силён. Светлая чёлка на глаза падала, а нос хищным клювом изгибался – от этого вой на зверя лесного был похож. Даже сейчас за спиной у него острый топор с длинной рукоятью висел. Грозный кметь.

Схватив старое деревянное ведро, Антипка вывел Гирдира на улицу. Ветер снова унялся, будто чувствовал, что у людей дело важное – не нужно им сейчас мешать. Вдвоём воды набрали из старого колодца, что подле старостиного дома стоял. Отсюда воду давно уже никто не носил с тех пор, как ведьму пытали. Жители его нечистым считали, пришлось другой копать. Новый же в центре хутора стоял. Туда идти – только время терять. А время сейчас, ох, каким ценным было!

Гирдир ведро нёс осторожно, чтобы ни капельки не расплескать, а Антипка впереди бежал, чуть ли не подпрыгивал – сам себе пса верного напоминать стал. Фу! Ну и глупость же в голову лезет.

Внутри уже и очаг развели, и Злотичну в чувство привели. Она неодобрительно косилась и на Антипку, и на Гирдира, выливавшего колодезную воду в медный таз. Староста в кружку глядел, будто уже дочь похоронил. Судья его по плечу хлопал, а Хаврун и Грас в окно пялились.

– Не уследил ты за дочерью, Багумил. Не уследил! – Злотична принялась убирать со стола, то и дело злобно на Антипку поглядывая.

И вновь своё заладила:

– С полюбовником свидеться бегала! Это я вам точно говорю. Решила перед свадьбой того. – Она мотнула головой куда-то в сторону и поджала губы. – Тебе, Бергрун, тоже надо было внимательнее за невестой следить! Раз бедовую решил такую брать, то за ней глаз да глаз нужен. Это хорошо, что сейчас выяснилось. А то потом ребёночка бы родила, а тебе почём знать, твой или сластолюбца какого!

– Довольно, Злотична! О покойнице говоришь! Постыдилась бы! – Это судья, наконец, решил прервать Злотичны причитания.

– Она ещё жива. – Гирдир удивлённо поднял брови.

Староста и судья тяжело вздохнули. Грас отвернулся от окна и виновато посмотрел на кметя.

– До утра не дотянет.

Гирдир хмыкнул и отвернулся к очагу – воду проверить. Немного помолчали. И снова Злотична за старое принялась:

– А полюбовник-то не из нашенских... Ещё и богатый, видать. Плащ какой! Тут и не сыщешь сукна такого. Поигрался девкой, нелюдь...

– Да замолчишь ты или нет?! – Судья Бергрун стукнул кулаком по столу, и Злотична недовольно умолкла.

Надолго ли, Антипка не знал – вода закипела, и спорый Гирдир уже доливал в кипяток прохладной. Обхватив тряпицами таз, он двинулся к лестнице, кивнув Антипке:

– Пойдём, подсобишь атаману.

* * *

В спальне Мельцы царил могильный холод. Антипка поёжился. Едва дверь открыл, запахом листвы прелой да земли сырой повеяло. Мельца на кровати лежала, обнажённая. Грязная исподница,¹⁵ изорванная, в углу валялась. На груди чёрным символ какой-то начертан, на

---

¹⁵ Исподница – нижняя женская рубашка или юбка. Зд.: рубашка.

животе – ещё один. Атаман перед кроватью на коленях стоял. Кафтан снял, рукава по локти закатаны, воротник расстёгнут, а пальцы в чём-то чёрном перепачканы. По вискам пот стекает, волосы всклокочены. Антипка на пороге замер.

– О, уже и колдовство своё творить начал. Если нас хотел спровадить, мог бы и сказать, а не на холод за водой посылать.

Атаман отодвинулся от Мельцы и медленно повернулся. В пальцах уголёк чёрный был зажат. Вот, значит, откуда рисунки странные на теле девичьем взялись.

– Зачем спровадить? – Голос у Чернявого скрипучим сделался, хриплым. – Раны промыть нужно.

Он устало с колен поднялся, уголёк на стол положил. А там уже разные склянки расставлены, пробирки, веточки какие-то разложены. Ну и ну! Антип в сторонку сдвинулся, Гирдира пропуская, а сам на стол тарашится. На Мельцу смотреть боязно – лежит, неприкрытая, почти что труп, а Чернявый как ни в чём не бывало. Кто его знает, что он тут творил, какое колдовство ворожил?

Гирдир из комнатки вышел, а Антип не сдержался и снова на дочку старосты взгляд бросил. Грязная кожа, покрытая синяками и глубокими ранами, уже не была синей, а грудь поднималась от тихого дыхания. Мельца худышкой не была, росточка небольшого, а подержаться есть за что. Ох, и грешно же её рассматривать! А Чернявый, будь он не ладен, заметил всё. Зыркнул злобно, глазами сверкнул, накрыл Мельцу одеялом тонким.

Антипка со стыда чуть не сгорел. Собрался вниз топать. Но атаман его остановил.

– Знаешь её?

– Как же не знать, нарочитый?! Знаю... Дочка старостина.

– Это уже и нам ведомо. – Атаман криво усмехнулся, морщины вокруг рта ещё глубже сделались.

– Мельцей кличут... – Антипка тяжело вздохнул.

– А вёсен сколько? – Атаман взял тряпицу и принялся вытирать грязные пальцы.

– Тридцать, почитай, этой весной будет.

– И до сих пор не замужем? – Атаман вздёрнул чёрные брови.

– Её в хуторе недолюбливают. – Антипка не знал, куда деться, но и молчать не мог – такое ощущение засело, что атаман из него всю правду силой вытянет.

– Отчего же?

Тяжело вздохнув, Антип заговорил:

– У старосты жена была, дочь ему родила, а потом в лес пошла за ягодами да сгинула. Три весны искали – даже косточек не нашли. Я тогда ещё маленьким был – плохо помню. Вот он второй раз и женился, на матери Мельцы. Красавица... Весь хутор за ней бегал. Сваной звали. Совсем ещё девица. Шестнадцать вёсен, кажись. А старосте больше тридцати стукнуло, ещё и с дитём. Кто ж захочет нянькой да прислугой идти в мужнин дом?! Да только её не спрашивали. А старосте бы другую в жёнки взять, а он – нет, эту захотел! И чем только его приворожила?.. Только худое у них житьё вышло. Ссорились часто, ругались. Однажды она от него прямо ночью в лес убежала. А потом вдруг понесла. Ну, все и решили – не иначе, с Чёртом спуталась! Он мастак на такие дела – с жёнами чужими, коль житьё неладное. А раз с Чёртом, значит, ведьма. В колодец собрались кинуть, пытать, чтоб призналась. А староста ни в какую, мол, пушай родит сперва, а потом и разберёмся. А Свана совсем ополоумела. Мечется по дому, окна бьёт, кричит на весь хутор: пусти к нему! А к кому? К полюбовнику, значит. К Чёрту. В общем, кое-как Багумил её удержал, Грас ребятёнка принял, а Свана ночью из дома ускользнула. А уж утром на осине возле колодца висела. Сама, али кто её туда... До сих пор никто не знают. Ну, а Мельца... Сам видишь, атаман, на отца она не похожа. Да и на мать не шибко – я-то Свану помню – загляденье, а не девка! Ну все и думают, что чёртова дочка она. А ежели не его, так и не Багумила точно. Всё одно – грех. Замуж вон её никто не

берёт. Да и это... – Антипка умолк ненадолго и взглянул на неподвижную Мельцу. – Не шибко у неё радостное житьё было. Она-то весёлая, добрая, ко всем с улыбкой. А люди её боятся, сторонятся. Уж и вправду, быстрее бы отмучилась...

Торговец ещё раз вздохнул тяжело, на атамана взглянул. А тот странно так на Мельцу смотрит, задумчиво, и как будто с... нежностью, что ли? Но треснуло в очаге поленце, и вновь атаман серьёзно глядит, думу какую-то думает.

– Заночуем с ней, чтобы рядом быть, если что. Она тебя знает, поэтому тоже тут останешься, чтобы не испугалась. – Атаман отвернулся к столу, оторвал от тряпицы лоскут и в воду опустил. А затем к Антипке обернулся.

– Ну? Чего стоишь? Раны помоги промыть.

Антипка засуетился, по-прежнему опасаясь глядеть на Мельцу. Атаман тем временем начал пробирки свои откупоривать да пузырьки разные. На мутное зеленоватое стёклышко высыпал три разных порошка. Получились три горки, совсем как Венец королевы. Отделил Чернявый от каждой горки часть, смешал, в таз с водой кинул. Вода вдруг забурлила и зелёной сделалась. Смочив ткань в этом зелье странном, атаман вновь на колени подле кровати опустился. Аккуратно одеяло сдвинул, начал царапины протирать. От них аж пар пошёл. Антипка рядом топтался, не знал, куда себя деть, всё на атамана глядел. А тот грязь с кровью из ран вычищал, и так нежно делал это, что Антипка себя лишним ощутил. И не будь он это время с Чернявым в пути, подумал бы, что действительно Мельца к полюбовнику бегала. К тому, кто на коленях возле неё стоял да с тоской глядел страшными серыми глазами.

* * *

Шумит что-то... И скребётся... Это за душой её пришли. Холодно на сердце. А в голове больно. Пальцем не пошевелить... Словно куклу соломой набили. Пока ребёнок не начнёт тряпичные ручки дёргать, они неподвижно болтаются. И шум этот. Не утихает... В глазах как будто пыль. И пыль же на языке.

Мельца открыла глаза. Знакомая каменная кладка стены. От неё исходил холод. Дом. Из окошка за головой лился мутный свет. Шумел дождь. Острые ветки скреблись в стекло, требуя впустить в дом, в тепло. Мельца попробовала пошевелиться, но тело как будто не принадлежало ей. Она ощущала лишь странную тяжесть и тепло. Наверное, так чувствовали себя ведьмы, когда им вспарывали животы, набивали камнями и бросали в озеро. Хоть и были они уже мертвы. Мельце тоже казалось, что её набили камнями, даже пальцем пошевелить не выходило.

Тихий резкий звук напугал. Храп... С трудом повернув голову, Мельца увидела подле себя какого-то мужчину. Он, скукожившись от холода, спал в старом деревянном кресле. Из приоткрытого рта снова вырвался храп.

Этот человек казался Мельце знакомым. Как будто давным-давно она его знала. И волосы цвета пыли, и грязные пальцы, и старую одежонку. Незнакомец всхрапнул ещё раз, повернул голову к окну и сонно почмокал губами. Это же Антип! Главный торговец Пеплиц. Хитрый пройдоха, который всегда был к ней добр. Но Антип ведь отправился за помощью в столицу. Неужто уже вернулся? И когда только успел?! Как это Мельца пропустила такое...

И вдруг перед глазами мелькнул Хмурый лес. Вот бежит Мельца по холодной земле, а чьи-то пальцы хватают её за подол, тащат за собой. Потные руки срывают платье, шарят по коже. И так мерзко от этого, что хочется плакать. Но Мельца будет плакать потом. Сейчас она будет сражаться.

Не знала она тогда, что эта битва проиграна ещё до начала. Не знала, как больно будет. Как мучительно. И как страшно.

Снова всхрипнул Антипка, и воспоминания рассеялись. Покатилась слеза. Лучше бы осталась она там, в Хмуром лесу. Умерла бы, и не было больше ничего. Как теперь жить, помня, что с ней сотворили?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.